

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТРУКТУРЕ ОСЕТИНСКОГО ОБРЯДОВОГО ПЛАЧА

Бесолова Е.Б.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева ВШС РАН и Правительства РСО–А», Владикавказ, Россия (362015, г. Владикавказ, Гончарова, 10/19), e-mail: elenabesolova@mail.ru

Статья посвящена обрядовому плачу осетин в аспекте его жанра и композиционной структуры. В ней рассмотрены типы и основные мотивы осетинских похоронных причитаний и их связь с культом погребения, с представлениями осетин о загробной жизни.

Проанализированы характер и содержание осетинских плачей, их функциональные особенности и назначение. Выявлены характерные черты импровизации, а также её роль в обрядовом плаче.

Выяснены функции таких моментов, как ритуально-магический, эмоциональный и этический, в определении и содержании осетинских плачей. Прослежены утрата магического значения ритуалом и его превращение в традиционный обряд и средство выражения личного горя и скорбных чувств в связи с потерей близкого человека.

Ключевые слова: функция плача, мотивы, обрядовый текст, плакальщица, импровизация, верования.

GENERAL AND SPECIAL IN THE STRUCTURE OF OSSETIAN RITUAL WEEPING

Besolova E.B.

Federal State Budget Institution V.I. Abaev North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences and Republic of North Ossetia – Alania, Russia (362 015, Vladikavkaz, Goncharov str., 10 /19), e- mail: elenabesolova@mail.ru

The present article is dedicated to the ritual weeping of Ossetians in the aspect of its genre and compositional structure. It discusses the types and basic motives of Ossetian funeral lamentations and their links with the cult of interment, with ideas of Ossetians of the afterlife.

It analyzes the nature and content of the Ossetian weepings, their functional characteristics and purpose. It identifies traits of improvisation, as well as its role in the ritual weeping.

Functions of such causes as ritual and magical, emotional and ethical are clarified in the definition and content of the Ossetian weepings. Lost magical value of the ritual and its transformation into a traditional rite and the expression of personal distress and sorrow in connection with the loss of a loved one are traced. In the article the ritual lamentation of Ossetians in the aspect of its genre and compositional structure are analyzed.

We consider the functional features of mourning crying, the role of improvisation and its characteristic features.

Key words: the function of crying, motives, ritual text, howler, improvisation, beliefs.

Введение

Духовная сущность осетинского народа, его сложившиеся веками нравственные, этические нормы и эстетические критерии наиболее ярко отображены в похоронно-поминальном обряде, отличающемся своей глубокой архаикой и широким общественным характером. Настоящая статья посвящена изучению традиции бытования обрядового плача, неотъемлемой части некро-ритуальной обрядности осетин, что оказалось возможным благодаря комплексному подходу к исследованию столь уникального феномена культурных традиций, как обрядовый плач, через призму таких дисциплин, как лингвистика, этнография, фольклористика.

Каждый комплекс обрядовых действий осетинского погребального ритуала охвачен причитаниями и плачами по усопшему. Причеты выполняли функцию бытового правового акта (в мотивах с констатацией смерти, в мотивах-оповещениях), функцию общественной оценки умершего (мотивы-некрологи) и психологическую функцию выражения горя (мотивы с темой скорби) [5, с. 250]. Похоронные причитания являются очень древними по происхождению. Уместно здесь привести высказывание В.И. Абаева: «Плачи-причитания – один из древнейших видов народной поэзии. Они свидетельствуются археологическими памятниками... И, в отличие от некоторых других жанров фольклора, ушедших в прошлое, бытуют по сей день едва ли не у всех народов мира. Как ни привычна и ни естественна смерть, она каждый раз воспринимается окружающими как нечто катастрофическое. Она исторгала у близких покойного крик боли и скорби. И этот крик веками отработывался и приобретал черты поэтической формы, характерной и своеобразной у каждого народа» [1, с. 525-526]. Плачи (далее – *хъарджыта*) подразделяются на мужские и женские, причем «женщины оплакивают всякого покойника или покойницу. Мужчины – только мужчин, павших в бою или при особо трагических обстоятельствах» [там же]. «Причитания мужского цикла характерны наличием в них героико-эпических элементов; в них говорится о мужской доблести покойного, о решающих битвах и сражениях...» [15, с. 12]. По словам В.И. Абаева, мужские плачи «имеют тенденцию с течением времени отрываться от погребального обряда и исполняться как героические песни» [1, с. 527]. Патриархом осетиноведения замечено, что в поэтике осетинских героических песен весьма четко выражена их генетическая связь с обрядовыми похоронными песнями, что видно из монографии К.Г. Цхурбаевой «Осетинская героическая песня»: «Анализируя музыкально-поэтические особенности осетинских героических песен, приходишь к выводу, что героическая песня как форма народного творчества многими сторонами смыкается с причитаниями. Это позволяет предполагать, что они ведут начало от народных плачей и причитаний. Первоначально они были, по-видимому, мужским плачем по герою. В дальнейшем связь с причитаниями становилась все «менее отчетливой» [18, с. 38]. К этой мысли пришла и Т.А. Хамицаева в работе «Историко-песенный фольклор осетин» [16].

По В.И. Абаеву, осет. *зарæг* «песня» и осет. *хъарæг* «обрядовое причитание над покойником» содержат общеиндоевропейский корень **gar* – «кричать», «взывать» (варианты **ger-*, **gal-*, **ger-*), наличный также в *qær* «крик», *qарун* «взывать», *zарун* «петь»... [3, с. 265-266]. Основным условием для мужского плача и связанной с ним героической песни является *смерть* героя. Нет, думаем, необходимости разбирать жанровые особенности мужского плача – героической песни, потому что с блестящим анализом этого жанра можно

ознакомиться в упоминаемой нами статье В.И. Абаева, в монографиях К.Г. Цхурбаевой [18] и Т.А. Хамицаевой [16].

Причитания и плачи по умершему в похоронном обряде осетин репрезентированы рядом лексем, которые можно условно распределить на две группы: 1) *кауын* «плакать», «плач»; 2) *хъараг* «причитание», «обрядовый плач», «воплъ», «голошение»; *хъараг канын* «причитать», «голосить». Лексема *кауын* содержит иранский корень **kī*, **kav-*, *и-е*. **ku-*, **kau-* «кричать», «вопить» [2, с. 59]; полисемантична: «проливать слезы»; *перен.* «издавать протяжные, тоскливые звуки»; *перен., разг.* «запотев, покрыться каплями воды». Лексема *хъараг* также многозначна: «голошение»; «причитание, жалуясь на кого-, что-либо, оплакивая кого-, что-либо»; «обрядовое причитание женщин над покойником». Отсюда *хъараг канын* означает «голосить», «оплакивать покойника», «причитать над покойником» [3, с. 265-266].

Словесные компоненты (плачи, причитания), сопровождающие обрядовые действия, являются неотъемлемой частью обрядового текста. По мнению Е.В. Барсова, в плачах оставлены «следы верований разных доисторических эпох относительно духовного бытия, смерти и посмертного существования» [7, с. 256]. Плачи обнаруживают, как мы уже заметили, древнее обрядовое происхождение и вскрывают затемненный драматизм современных похорон.

Похоронные причитания – это «часть комплекса некро-ритуальной обрядности, с характерными функциями в её составе. Замечено, что оплакивание в основных моментах предусмотрено, когда увидят кончину близкого, когда обмоют и оденут покойника, когда принесут гроб, вынесут гроб из жилища, когда опустят гроб в могилу, по возвращении домой, где устраивают поминки. Причитания сопровождают обряд от начала до конца, составляют часть похоронного обряда и регламентируются его структурой. Причеты выполняют функцию бытового правового акта, функцию общественной оценки умершего, психологическую функцию выражения горя. Каждый из них развивает традиционную для себя тему» [12, с. 180].

Причитания с мотивом констатации факта смерти традиционно включают в себя обращения к покойнику (почему он покинул семью, и как тяжело будет ей без опоры). Этот мотив передается в форме риторического вопроса, из которого следует, что умерший осиротил семью. Мотивы констатации смерти часто переходят в мотивы-оповещения с этическим рассказом об обстоятельствах смерти усопшего. Мотив с оповещением того, как произошла смерть, переходил в некрологический рассказ о покойнике с твердо предусмотренной традицией хвалить покойника. Тип мотивов с некрологической похвалой покойнику увязывается с целым комплексом бытовых представлений, которые хорошо

объясняют их древний характер. Все исследователи отметили веру народа в то, что умерший еще известное время слышит и понимает все, что происходит вокруг него. Всё чувствующего и понимающего покойника Г.С. Виноградов назвал «полупокойником» [9, с. 324].

Оплакивание в осетинском культе мёртвых представляет собой достаточно сложное действие: покойника оплакивают беззвучно и в голос, причем беззвучный плач представлен рыданием (*exxaiй кудид; хъарахст; богъ-богъ*), громкий плач обозначается лексемами *ардиаг; цъахахст; хъараг*. Оплакивание в Осетии происходит как до, так и после похорон, во время поминок и поминальных дней. В поминальные дни этот обряд совершается над одеждой усопшего и на его могиле, на кладбище. Заметим, что правом оплакивания громким плачем обладали не все: тесть (*усы фыд, каис*) не плакал при кончине зятя (*сиахс*); отцу (*фыд*) не положено оплакивать детей (*заннаг*); муж (*мой, лаг*) никогда не заплачет при смерти жены (*ус, бинойнаг*); зять (*сиахс*) не оплакивает родственников со стороны жены (*ус, бинойнаг*); запрещалось оплакивать убитого молнией. Конечно же, все перечисленные запреты со временем стали нарушаться, чаще в наши дни. Если жена вдруг начинала громко оплакивать своего мужа, то ее осмеивали, говоря: «*Цыма уый йеддама йа лаг никаман амард*». – «Будто, кроме неё, муж ни у кого не умирал». Громко оплакивать покойного могли только его сестры, тети со стороны отца и матери, двоюродные сёстры, невестки, дети и др.

Громким плачем умершего оплакивали с самого момента смерти. Услышав его, соседи, односельчане начинали собираться в доме и во дворе умершего, причем женщины подходили к покойнику и плакали над ним.

Специальный посланник – *хъарганнаг* – старшими из соседей отправлялся оповещать членов общины, они тоже начинали собираться в доме усопшего. Близкие и родственники покойного вступали в село (в городе – к дому) с громким плачем, а остальные плакали беззвучно. Мужчины шли молча и опустив руки вдоль тела и, придя в дом покойного, выражали соболезнование (*таэфарфас*) главе семьи (разг. *бинонты хистар*), который стоял во дворе. С ними никто не здоровался. Все мужчины в головных уборах.

Когда пришедшие из других населённых пунктов женщины подходили к усопшему, находящиеся у гроба уступали им места. Они здоровались друг с другом только после окончания плача, который после захода солнца прекращался («чтобы не выпрашивать у бога новое несчастье»).

Мужчины в Осетии не могли громко оплакивать покойника, только в одном случае без стеснения выражали свое горе громким плачем – когда умирал наиболее выдающийся мужчина в общине. Плач мужчин короче женского. Плач женщин сопровождался рыданиями других женщин. В сёлах наблюдается и оплакивание мужчинами покойника с «рыданием» в доме или дворе умершего, а также во время поминок над одеждой усопшего.

Безусловный интерес вызывает факт существования в Осетии института плакальщиц, известных под названием «*хъарагганаг ус*» – «причитающая женщина». Это определение известных и в пределах села, и в пределах ущелья искусных плакальщиц. По замечанию Т.А. Хамицаевой, «причитания близких родственников являются естественным выражением чувства в трагический момент. Появление же профессиональных плакальщиц и их причитаний тесным образом связано с древним культом – культом покойника, и именно с тем этапом развития сознания человека, когда возникает идея загробной жизни, которая мыслится как вполне реальная. Считалось, что чем больше слез будет пролито, тем более счастлив будет покойник на том свете, тем благоприятнее отнесется он к своим родным (ср.: *Бира цæссыгта ахаста йемаæ.* – «Много слёз унёс с собой») [17, с. 137-138].

Самоистязания всякого рода играли ту же роль. Отсюда и понятна роль профессиональных плакальщиц, так удачно «возбуждавших плач» у окружающих, заставлявших пролить как можно больше слез по покойнику. Это – первоначальная, *ритуальная*, функция плачей. *Магическая* функция причитаний заключалась в убажании покойника слезами, в создании для него благоприятной обстановки на том свете. Она постепенно отмирала, и на первый план выступала функция *воспитательная*, ведь причитания являлись своеобразной художественной характеристикой усопшего, данной ему в неизбежный для каждого смертного час в присутствии большого количества людей – знакомых и незнакомых. На осетинских похоронах даётся и *общественная оценка* поведения родственников умершего – всенародно – в виде благодарности за участие в судьбе усопшего и наказов быть внимательнее к оставшимся близким. Такие обращения-наказы содержатся порою и в плачах. Человек, проигнорировавший подобный наказ, непременно заслужит прилюдно всеобщее осуждение, ибо «сказанное у гроба подобно клятве» [17, с. 138].

Хъарагганаг ус, безусловно, свободно владела речью, словом и не была лишена поэтического дара. Благодаря своим природным способностям легко настраивалась соответственно обстоятельствам и легко вникала в горе чужой семьи. Отсюда неповторимость каждого *хъараг*'а, и людская поговорка, что «плакальщицы украшают покойника», и чем большее количество «*хъарагганаг устытаæ*» оплакивали умершего, тем это почётнее. «Плач в голос» всегда сопровождался рыданиями присутствующих женщин, вторящих ей: *дадай, дададай*. Ср.: «За арбою следуют все бабы аула, медленно *поют* а-да-дай и бьют себя руками в голову, в грудь и царапают лицо» [20] – (выделено нами. – Бесолова). «Одна половина женщин начинает печальную *песнь*: вей-у, дадай – другая половина – сар-у, сагоса, ударяя слегка кулаками в грудь» [11]. Каждая тирада *поётся* плакальщицей, затем следует общий хоровой плач, и снова следующая тирада плакальщицы и новый плач присутствующих. Приведенные цитаты явствуют, что авторы, описывающие

похоронный обряд, когда касаются процесса ритуального оплакивания «в голос», употребляют глагол *петь*, отглагольные существительные *песня*, *пение*.

Осетинское *зарын* /*зарæг*, *зар*, *зард*/ восходит к иран. **zar-*, ар. **jar-*, и.-е. *gar* – «шуметь», «звать», «кричать», «вопить», «петь»... Из аланского идут... коми *zar* в *zar-gum*, *zar-čipsan* «вид свистульки, дудника...», абх. *a-zar* ритуальная песня (при оплакивании, погребальных скачках)»... Индоевропейская база **gar* – «звучать» и др. и ее вариант **ger* – обильно представлены в осетинском языке... [4, с. 288-289]. К этой базе восходит и лексема *хъарæг* «ритуальный плач». *Зарæг* – хоровая двухголосая песня без музыкального сопровождения. Магические действия многих обрядовых ритуалов похоронно-поминального обряда были направлены на отпугивание «нечистой силы», поэтому песни, танцы, мимика, жесты дополнялись обрядовыми плачами, создававшими особый звуковой фон [ср.: *хъар* (крик, вопль) – *хъарæг* (обрядовый плач, вопль, голошение) – *хъарæг кæнын* (вопить, голосить, причитать над покойником, т.е. плакать, приговаривая голосом) – *хъар кæнын* (кричать)]. Как видим, шумовому эффекту в сакральной функции *отогнать злых духов* отводилась немалая роль. Налицо взаимодействие слова и ритуала в их сакральном и тематическом единстве. Плачи – жанр музыкальный, исполнялись они своеобразным речитативом. Музыкальная их форма проста, потому что «основным элементом является словесный текст, а музыкальная интонация только вспомогательное средство, усиливающее эмоциональность декламации словесного текста» [6, с. 34].

В плачах нашли отражение верования, выработанные народом в разные исторические эпохи. Тексты плача профессиональных плакальщиц усваивали, сохраняли и передавали в народе из поколения в поколение, потому что они отличались трагизмом, большой эмоциональной напряженностью, а это, в свою очередь, определяло языковой и поэтический стиль текста. Этнографический материал свидетельствует о том, что в быту осетин было распространено как индивидуальное, так и хоровое оплакивание покойника. Плакальщица при хоровом оплакивании «*Дадæй*» произносила текст плача, а остальные женщины подпевали «*Дадæй*». Это, на наш взгляд, стихотворение-плач напоминает вид оплакивания «*Зари*», который существовал в Грузии, в Тушетии [19, с. 65].

Функциональная природа обуславливает повествовательную систему жанра плача. Повествовательность похоронных плачей мы определяем как текстуально-обрядовую, ведь *хъарæг* существует в контексте верований, религиозно-мифологических представлений и «акциональной направленности обрядовых актов... и не исчерпывается собственно текстами» [13, с. 14]. Основа любого повествования – сюжет, сюжетная тема, которая развивается в прямой зависимости от момента исполнения, от места его в канве обрядового действия. Плач выстраивается в рамках традиционной композиционной структуры при

помощи отработанных многолетней практикой исполнения целостных фрагментов, формул, клише, общих мест, отражая в образно-поэтическом содержании произведения религиозно-мифологические представления в сочетании с реалиями жизни [10, с. 88-89]. Именно мотив является содержательной единицей сюжета, и он же «вырастает» в сюжет [8, с. 495]. Мотив элементарен и в структурно-содержательном плане самостоятелен.

Сюжетная структура текста плача не имеет последовательности развития событий от завязки до развязки, само повествование состоит из отдельных мотивов, которые создают образ оплакиваемого. Благодаря этому главным элементом повествовательной системы похоронного плача является персонаж-адресат: о нём идет рассказ, к нему обращены слова. Нет сюжетобразующего мотива, все они подчинены задаче создания идеального образа отца, мужа, сына, матери, дочери и др., причем этот образ не всегда или не во всем соотносится с реальным образом конкретного человека, хотя отвечает основному, который связан с представлениями о взаимосвязи мира мёртвых и мира живых.

По В.Я. Проппу, одна «из важнейших и труднейших задач фольклористики есть исследование внутренней структуры произведений, короче говоря, – изучение композиции, строя» [14, с. 20]. Анализ большого фактического материала дает нам основание считать плачи традиционным явлением, сочетающим в себе и импровизацию, и многовековой поэтический опыт народной культуры.

Жанры русского фольклора, как известно, по степени импровизирования условно делятся на три группы. К первой группе относят те, в которых импровизация просто недопустима или встречается в очень редких случаях – это заговоры, заклинания, обрядовые песни, обрядовые жанры, строго прикрепленные к ритуальным действиям. Ко второй относятся фольклорные жанры, импровизация в которых проявляет себя в достаточной мере, но имеет свои грани – это сказки, былины, необрядовые песни. В третью группу входят жанры фольклора, в которых импровизация является неотъемлемой чертой: частушки, народный театр, колыбельные песни, причитания.

В похоронных плачах импровизационное начало есть важная составляющая, иногда и превалирующая, в отличие от произведений, где степень импровизации невелика или просто недопустима – заклинаний, заговоров, обрядовых действий, которые сопровождаются вербальным текстом.

Любое отклонение от вербальной формулы может привести к разрушению их магической силы или же иметь обратный, вредоносный эффект. Заклинания и заговоры передаются путем заучивания, обучения или записи. Такую же функцию выполняют и некоторые календарно-обрядовые песни, имеющие магическое воздействие на силы природы

и являющиеся неотъемлемой частью обряда. Изменения в обрядовых песнях появляются тогда, когда исполняются они вне обряда, теряя свое функциональное назначение.

Импровизация в плачах отличается и от тех фольклорных жанров, которые канонически допускают импровизацию; например, в сказке она ограничена композиционной структурой, набором действующих лиц и др.; именно тем, что выработано традицией сказочного повествования. Причитание, как и былина, может иметь «общие места», стереотипные фразы, образы, но импровизация в голошении носит иной характер, чем в былинах, имеющих твёрдые канонические рамки формы и содержания.

Наибольшее сходство в характере импровизации (при всем различии обстоятельств исполнения) имеется в похоронном плаче и частушке, причем она и в том и другом жанре заключается в *авторском реагировании* на ситуацию.

Думаем, что заблуждением является мнение, что плачи основаны на чистой импровизации. На наш взгляд, в данном случае упускается из виду наличие традиционно устойчивых элементов повествовательной системы причитания: композиционной структуры, основных мотивов (мотив гроба, мотив могилы как последнего жилища, мотив дороги, мотив безвозвратности и т.д.), образной системы, стереотипных обращений к умершему, причем независимо от адресата. Профессиональная плакальщица достаточно умело ориентируется в самой системе построения причета (*хъараг*).

Импровизация ограничена определенными рамками традиционных форм, сюжетов, мотивов и образов. Чем талантливее исполнительница, тем богаче образная система её плача, потому что она использует символику, связанную с окружающим её миром природы и жизненными реалиями, метафоры, сравнения, которые зависят от содержания, объекта плача и от эмоционального настроения. Это диктует традиция, а «личный почин» исполнительницы отступает, как видно, на второй план. При сопоставлении однотипных текстов плачей мы тоже пришли к факту: более устойчивая часть форма – композиция, набор мотивов, система поэтических средств, напев. В наибольшей степени импровизационным является содержание плача, которое впитывает в себя бытовые реалии, события сегодняшнего дня, эмоции, впечатления и личностные отношения. И именно благодаря импровизации актуализируется жизнедеятельность причитаний, они пополняются новыми образами, сохраняя при этом свою традиционную форму.

Импровизационный характер плача усиливается кумулятивной формой организации текста, когда идёт *нанизывание* мотивов: к одному мотиву присоединяется второй, затем третий, четвёртый и др. Безусловно, каждый мотив укладывается в интонационно и синтаксически законченный отрезок с завершённой музыкальной мыслью, образуя цепь мотивов, которая может сокращаться, удлиняться, что создаёт впечатление о произвольном и спонтанном исполнении *хъараг'а*. Принцип кумуляции даёт основание для суждения,

потому что «нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления вообще, сказывающаяся не только в фольклоре, но и на явлениях языка» [14, с. 248]. Жанр древен, и принцип кумуляции В.Я. Пропп определяет как реликтовый и относит к древнейшим композиционным структурам. Следующим фактом древности жанра является расположение мотивов в ряд: описание в плачах складывается из мотивов, постепенно переходящих из одного в другой.

Список литературы

1. Абаев В.И. Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» в свете сравнительного фольклора // Избранные труды: религия, фольклор, литература. – Владикавказ : Ир, 1990. – С. 509-541.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.–Л. : Наука, 1958. – Т. 1. – 655 с.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л. : Наука, 1973. – Т. 2. – 448 с.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Л. : Наука, 1989. – Т. 4. – 325 с.
5. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М. : Высшая школа, 1987. – 254 с.
6. Асланишвили Ш. Очерки о грузинских народных песнях. – Тбилиси, 1956. – Т. 2.
7. Барсов Е.В. Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. – М., 1872. – Ч. 1 : Плачи похоронные, надгробные и надмогильные.
8. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – Л., 1940.
9. Виноградов Г.С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири : сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. – Иркутск, 1923.
10. Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. – Нальчик : Эль-Фа, 2000. – 217 с.
11. Жускаев С. Похороны у осетин-олладжирцев // Закавказский вестник. – 1855. – № 9.
12. Кравцов Н.И. Славянский фольклор. – М. : МГУ, 1976.
13. Матвеева Т.И. Причень в похоронном обряде старообрядцев Забайкалья : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2001. – 19 с.
14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – 245 с.
15. Руденко М.Б. Курдская обрядовая поэзия (Похоронные причитания). – М. : Наука, 1982. – 152 с.

16. Хамицаева Т.А. Историко-песенный фольклор осетин. – Орджоникидзе : Ир, 1973. – 259 с.
17. Хамицаева Т.А. Осетины // Семейная обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1985. – С. 121-156.
18. Цхурбаева К.Г. Об осетинских героических песнях. – Орджоникидзе, 1965. – 198 с.
19. Чиковани М.Я. История грузинского народного устного творчества. – Тбилиси, 1965.
20. Шёгрэн А. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. – Маяк, 1843.

Рецензенты

Гацалова Л.Б., д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО – Алания», 362040, г. Владикавказ.

Парсиева Л.К., д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО – Алания», г. Владикавказ.